

Сюань Цзинчжи вернулась во дворец и почувствовала себя несколько бездельницей.

В это время суток она обычно либо просматривала результаты экспериментов в лаборатории, либо стучала по клавишам перед компьютером, либо доставала телефон, чтобы заказать доставку еды, взять чашечку молочного чая и посмотреть, какие акции или скидочные наборы сейчас действуют.

Здесь ей не нужно было делать абсолютно ничего. Оставшись без дела, она даже не знала, чем заняться, как вдруг Нуаньчунь принесла целое блюдо вишни.

Сюань Цзинчжи невольно выпалила:

— Откуда эта вишня?

— Ваше Величество, это вишня, которую соседнее государство прислало в дар несколько дней назад на вашей церемонии восшествия на престол.

Ягоды были ярко-красными, так и манящими, с аппетитным блеском.

Сюань Цзинчжи съела две штуки: сладко, нежно, а главное — не нужно мыть самой.

На сердце сразу стало радостно. Она продолжала есть и спрашивала:

— Сколько еще осталось?

Нуаньчунь ответила:

— Вишня плохо хранится, в тот же день Ваше Величество щедро одарили многих министров, и теперь осталась только эта тарелка.

Сюань Цзинчжи что-то вспомнила и спросила:

— А Императрица пробовала?

Я ем фрукты, рассказываю истории, и уже стала правительницей-тираншей?

Сюань Цзинчжи подумала про себя, что питание должно быть сбалансированным, и сказала:

— Тогда принесите всего понемногу. Каждого вида по чуть-чуть.

В тот самый момент, когда Сюань Цзинчжи вместе с дворцовыми девчонками весело и непринужденно ела фрукты и болтала, когда она дошла до самого интересного места, и маленькие служанки смеялись так, что сгибались пополам, а их ветвистые украшения покачивались от смеха...

Она признавала, что до некоторой степени зарилась на красоту Императрицы.

Сюань Цзинчжи тут же остановилась и произнесла:

— Отнесите эту тарелку Императрице. Я лучше съем яблоко.

Сюань Цзинчжи кивнула и, глядя на Чэн Миньчжи, произнесла:

— Ты — придворный летописец, который пишет мою биографию, так будь же беспристрастен. Я всего лишь ем фрукты, с чего вдруг я стала тираншей?

Сюань Цзинчжи услышала это и остолбенела.

На лице Нуаньчунь появилось озадаченное выражение:

— Ваше Величество, а что это за фрукт — яблоко?

Нуаньсян шепнула ей на ухо:

— Это взрослый господин Чэн Миньчжи, который составляет для Вашего Величества исторические книги и пишет биографию. Он каждые несколько дней приходит во дворец наблюдать за добродетелью Вашего Величества.

Она посмотрела на молочного юношу и моргнула:

— Кто ты такой? И зачем прибежал ко мне?

Впрочем, ее нельзя было в этом винить: кто же не любит красивых и утонченных барышень?

Сюань Цзинчжи моргнула и подумала про себя: ты говоришь, что я предаюсь праздности, и я с тобой не спорю, но с какой стати ты заявляешь, что я зарилась на чужую красоту?

— Я всего лишь разговаривала с ними, рассказывала им истории, вела себя прилично и благопристойно, почему это вдруг считается погоней за красотой?

Сюань Цзинчжи потерла лоб и сменила вопрос:

— А какие вообще фрукты есть во дворце?

В голосе Сына Неба уже прозвучало некоторое недовольство, и служанки поспешно опустили головы, не смея произнести ни слова.

Нуаньсян покачала головой:

— Никаких, Ваше Величество ничего не жаловали Императрице.

Едва этот человек вошел, как тут же раскрыл блокнот, схватился за кисть и принялся строчить со словами: Женщина-императрица забросила государственные дела, предавалась развлечениям с прислугой, утопала в развратной музыке — сущая тиранша!

Какая еще развратная музыка?

Едва затихли эти слова, как Сюань Цзинчжи с уколами совести подумала об Императрице.

Чэн Миньчжи остался непреклонен, гордо вскинув подбородок с видом человека, готового принять смерть:

— Разве Ваше Величество не пренебрегает государственными делами, не тревожится о судьбе страны, слепо предается праздности и гоняется за красотой? Разве вы после этого не тиранша?

Вдруг в комнату ворвалась черная фигура, совершенно не вовремя прервав беззаботный отдых Сюань Цзинчжи.

— Докладываю Вашему Величеству, есть виноград, груши, финики, а еще дыши.

— Разве Ваше Величество повсюду не разыскивает молодых и смазливых юношей, а потом не запирает их во дворце, чтобы ублажать себя... разве это не погоня за красотой? Не говоря о других, взять хотя бы господина Хуан Тинчжи. Разве Ваше Величество может это отрицать?

Сюань Цзинчжи одновременно испытывала злость и смех: с одной стороны, она до зубовного скрежета ненавидела прежнюю хозяйку тела, а с другой — в упор смотрела на Чэн Миньчжи:

— Чэн Миньчжи! Если ты еще раз посмеешь клеветать на Меня, не обессудь, церемониться не стану!

Столкнувшись с угрозой Сюань Цзинчжи, Чэн Миньчжи с глухим стуком опустился на колени.

Сюань Цзинчжи подумала, что он сейчас начнет молить о пощаде, но не тут-то было — он снова поднес кисть к бумаге и продолжил писать:

— Женщина-императрица беззаконна, от гнева и стыда потеряла рассудок, жестока и бесчеловечна...

Смеешь так писать? Сюань Цзинчжи по-настоящему разозлилась:

— Эй, стража, уволките его отсюда!

Тут же прибежали четверо евнухов и, волоча и толкая, вытащили его вон.

Сквозь высокие стены двора Сюань Цзинчжи прекрасно слышала не боящиеся смерти крики Чэн Миньчжи:

— Женщина-императрица деспотична и груба, игнорирует увещевания летописцев, если так пойдет и дальше, от страны ничего не останется...

У Сюань Цзинчжи только в ушах зазвенело, в голове закружилось, а на сердце стало тяжело.

Быть императором — дело нелегкое, особенно императором с отвратительной репутацией.

Она вздохнула.

Может, просто залечь на дно и сдаться?

Бросить вообще все дела,

предаться еде, питью, развлечениям, стать избалованной и самовластной — пусть люди говорят все, что им угодно.

Она снова вздохнула, мысленно живо представив себе семь лет спустя момент, когда она станет пленницей, жалкой и опустившейся.

Судьба погибшей страны и разрушенного дома скалилась на нее кроважадной пастью.

Ее от страха передернуло всем телом, она выпрямилась и спросила:

— А где Хуан Тинчжи? Разве его до сих пор не отпустили?

— Докладываю Вашему Величеству, — отозвалась Чэнь Сян, — без указа Ваше Величества стражники не смели самовольно отпускать людей.

Сюань Цзинчжи нахмурилась:

— Отпустить, немедленно отпустить! Зачем держать его здесь, лишь лишний рот кормить.

— Слушаюсь.

Чэнь Сян получила приказ и вышла передать волю государыни.

— Пойдите, Я тоже пойду.

Во-первых, Сюань Цзинчжи считала необходимым лично принести извинения — в конце концов, это «она» первая принуждала мужчин и притесняла народ; а во-вторых, ей самой хотелось взглянуть, как выглядит тот мужчина, которого прежняя хозяйка тела пыталась сделать своей собственностью.

В этот момент подошла служанка с докладом:

— Ваше Величество, преступница Мэн Вань написала стихотворение, извольте взглянуть.

Нуаньсян взяла бумагу и поднесла Сюань Цзинчжи. Та взглянула: почерк был очень изящным и красивым, а что касается содержания... каждое слово ей было знакомо, но вот каков художественный уровень стиха и хорош ли он вообще, она понятия не имела.

Она велела:

— Пусть пока возвращается назад.

Когда Мэн Вань получила от императрицы ответ с велением возвращаться, на душе у нее скребли кошки, было немного тоскливо и тревожно. Бросив взгляд на Дворец Чэньюань, она наконец послушно поплелась вслед за служанкой обратно в Обитель грешников.

Во Дворце Фэнъи Сяо Фу сжимала в руке наполовину съеденную вишню, и красный сок сочился сквозь ее пальцы. Девочка слизала сладкую влагу и восторженно воскликнула:

— Какая же вкусная вишня! Сестрица Нуаньсян говорила, что эти ягоды прислали из других стран, и последнюю тарелку Императрица неожиданно велела передать нашей госпоже. Жаль только, что госпожа не ест ее.

Раз госпожа не ест, тебе же больше достанется, маленькая обжора.

Сяо Фу с хихиканьем произнесла:

— Императрица так внимательна к нашей госпоже. Сестрица Сяо Жун, как думаешь, может, Императрица потому и взяла нашу барышню в жены, что та ей нравится?

Сяо Жун возразила:

— Ты что, забыла те слухи, что ходят в народе? Забыла, как в тот день Императрица чуть не убила госпожу?

— Я...

Вишня, которую Сяо Фу поднесла ко рту, вдруг замерла.

Сцена той ночи стояла перед глазами во всех подробностях.

Императрица тогда действительно хотела убить Императрицу.

Сяо Фу опешила, а Сяо Жун тем временем продолжила:

— И пойми теперь, с чего это вдруг за последние два дня Императрица снова стала так добра к госпоже: позавчера подарила ей ажурный золотой мешочек для благовоний, а сегодня — вишню. Эх, волю монарха не угадать, и кто знает, что у нее на уме?

Тут как раз подошло время ужина, и обе девушки вышли хлопотать с накрытием стола, как вдруг у дверей раздался возглас:

— Прибыл император!

От автора:

Сюань Цзинчжи: На самом деле я не сказать чтобы совсем не зарилась на красоту — например, на Императрицу я очень даже зарюсь.

Завтра и послезавтра глав не будет, хочу поднакопить в избранном~~~

Большое спасибо маленьким ангелочкам, которые присылали мне билеты тирана или поливали питательной жидкостью в период с 2021-12-19 21:36:09 по 2021-12-20 20:49:31!

Спасибо маленькому ангелочку за мину — Капуста кале, 1 шт.

Спасибо маленькому ангелочку за питательную жидкость — Прошлое по ветру, 1 фл.

Большое спасибо всем за поддержку, я буду продолжать стараться!

<http://bllate.org/book/21821/2259205>